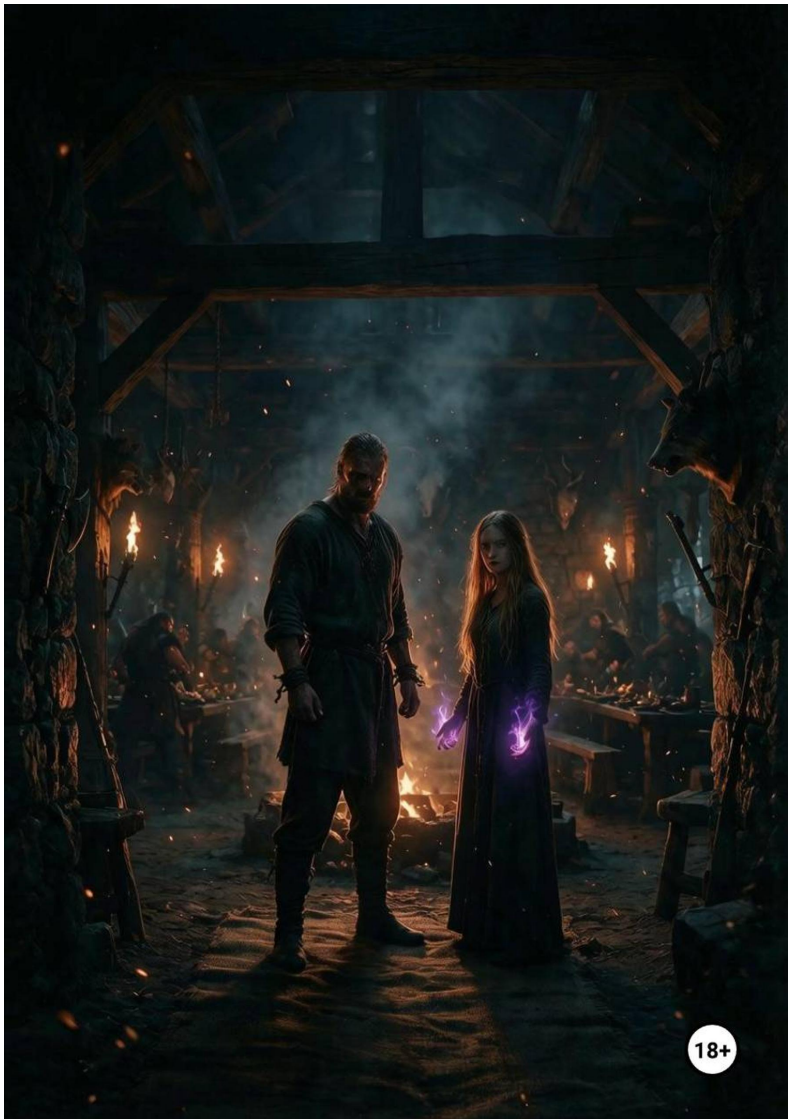

18+

Марина Максимова

Яра

<https://litres.ru/74270698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тёмные леса, жертвенные костры, магия мандрагоры и болотного мака — и трое тех, кто отказался умирать на чужих условиях. История о власти, предательстве и о том, что бывает, когда тихая девочка с волчьей шкурой на плечах решает сжечь чужой трон вместе с тем, кто на нём сидит.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Максимова

Яра

Глава 1

Мрак в избе был густым — дым, смола, прелая солома. Каменный очаг в середине сруба едва тлел, и огонь его бросал на стены ломаные тени, что ходили по брёвнам, как живые.

У самого края света сидел мужчина. Руки стянуты за спиной пеньковыми путами, плечи широкие, шея крепкая. Спина — как у зверя в силке. Только зверь этот не казался сломанным. Что-то в нём держалось — дикое, опасное, никуда не делось.

Дверь скрипнула. Вошла девушка.

Невысокая, прямая. Лицо — спокойное, почти холодное, будто вырубленное. Русые волосы, цвета спелой ржи, лежали на плечах тяжело, без воздуха. Льняная рубаха с вышивкой у ворота, кожаный пояс, волчья шкура. Всё простое — и всё странное. Не было в ней чего-то от этого дома. Может, от этого времени.

В руках — деревянный поднос. На нём дымилась еда.

У очага стояло шестеро стражей. Опёртые на копья, на секиры, пропахшие потом и кислым элем. Не воины — псовая

свора Корчуна. Двое у двери переговаривались, остальные дремали вдоль стен. Ни один не разжал руку.

Рослый стражник с перебитым носом прищурился на девушку и ухмыльнулся.

— О, маленькая Яра. Принесла ужин нашему гостю? Или заглянешь в мою постель? Худая ты — согрею.

Яра чуть повернула голову. Остановилась.

— Еда для воина, Ёрш. — Голос тихий, но в нём стоял лёд. — Тебе — объедки. Не рычи, а то зубы выпадут. В постель позову того, у кого язык не поворачивается лаять на хозяйскую дочь и кто имеет в штанах достоинство.

Она небрежно — не замахиваясь, просто от плеча — бросила ему глиняный черепок с похлёбкой. Горячий. Ёрш едва поймал, выругался, дёрнул руку. Яра уже шла к пленнику.

Опустилась рядом на колени. Поставила поднос на солому. Потом подняла руки и коснулась его лица — без спешки, без осторожности.

Пальцы были тёплые. Они скользнули по щеке, по жёсткой челюсти, приподняли его голову.

Он смотрел на неё. Она — на него. В тёмных глазах не было ни жалости, ни страха. Только ровный, почти неживой расчёт.

Яра взяла черпак и поднесла бульон к его губам.

— Ешь. Тебе нужны силы.

— Силы, — повторил он. Голос был низким, сидел где-то в груди. — Для чего? Дойти до места смерти? Или ты хочешь

помочь мне сбежать?

— Делай, что говорят, Тор.

Она наклонилась. Совсем близко — он почувствовал тепло её дыхания у самого рта. От неё пахло дымом, травами и чем-то пряным, тёплым. В груди у него что-то сжалось.

Она поцеловала его. Жадно, почти отчаянно — так, словно пыталась вдыхать в него что-то своё. Пальцы в волосах сжались, запрокидывая голову, открывая шею.

По спине прокатился тяжёлый жар. Тело, привыкшее к ярости и инстинктам, ответило без его разрешения. Он выдохнул в её губы — судорожно, тихо. И это стало для неё сигналом.

Он перестал держаться. Подался вперёд, насколько позволяли путы, и поцеловал её в ответ — жёстко, глубоко, с той хищной силой, которую прятал за нахальным покоем. Очаг трещал. Багровый свет ложился на её закрытые веки, на кожу, что билась у него на шее.

Пенька на запястьях впивалась в кожу. Он дёрнулся, захотел притянуть её ближе — не смог. Яра не отстранилась. Её рука скользнула вверх, и она тихо сказала слово — чужое, старое. Что-то холодное прошло по её пальцам. Путы на его руках вздрогнули, ослабли и осыпались беззвучно — как будто их никогда не было.

Тор сразу обхватил её за талию. Ладони сомкнулись на её тонкой фигуре с такой силой, будто она могла раствориться. Яра оказалась прижата к нему вплотную. Слишком тесно.

Слишком горячо. Под руками у него была её хрупкость и что-то внутри неё — твёрдое, как железо. Это второе пугало куда сильнее первого.

Она подняла глаза. Ни покорности. Ни смущения. Ровное, тихое пламя.

Яра отстранилась.

Тор на мгновение не понял — где он, что произошло. Потом горячий туман в голове начал редеть. Он опустил взгляд на руки. Пути исчезли. Остались только красные полосы на коже и странное, почти недоверчивое чувство — свобода. Он сжал пальцы. Разжал. Потом поднял голову и посмотрел на неё — коротко, жёстко, молча.

Грудь у него ходила.

Мысль пришла сама, резкая и ясная. Он бросил взгляд за её плечо. Охрана.

Если кто-то из них проснётся — девушку обвинят в измене. Казнят медленно. А его заставят смотреть.

В его глазах мелькнул страх. Не за себя. Он дёрнулся, пытаясь отстраниться.

Яра не дала. Ладони легли на его лицо, пальцы сжали челюсть.

— Тише. Не дёргайся.

Она быстро глянула на стражников. Один съехал с лавки набок, второй храпел, запрокинув голову, третий едва не сполз на пол, не выпустив топора. Никто не шевелился.

— Не бойся. Это не эль их свалил.

Тор чуть приподнял бровь.

Яра придвинулась ближе и понизила голос до шёпота.

— В похлёбке был отвар мёртвого корня и пыльца болотного мака. Они проспят до утра. Может, дольше. Нам хватит.

Она коснулась его запястий — коротко, как напоминание.

Тор смотрел на неё. Эта тонкая, хрупкая девушка — не просто дочь вождя. В ней жила ворожба. Настоящая.

— Пути я ослабила сама, — сказала Яра. — На них была не только пенька. Там стояла магия. Я сняла с них силу. Для чужих глаз они выглядят целыми — пока я так хочу. Если нужно — рассыплется в пыль.

Тор перевёл взгляд с рук на неё. В его глазах теперь стояло кое-что поверх ошеломления — признание силы и новая, куда более острая настороженность.

— Ты дочь Корчуна, — прорычал он. — Зачем тебе это? Почему я должен тебе доверять?

Яра покачала головой.

— Я не его дочь. — Слова шли быстро, без пауз. — Скорее — пленница. Игрушка. У меня нет времени объяснять. Завтра сам узнаешь. Просто доверься.

Она выпрямилась. Снова стала той, кем вошла — прямой, холодной, без следа того, что было между ними минуту назад.

— Слушай, — сказала она тихо. — Завтра к тебе приведут Яромира.

Тор замер.

Имя ударило коротко, как кулак под рёбра. Он не подал виду — только желваки на скулах обозначились чётче, только пальцы на мгновение сжались.

— Живой? — спросил он.

— Пока.

Яра говорила тихо и ровно, не сводя с него глаз. Но когда произнесла имя — что-то в ней на долю секунды остановилось. Тор это заметил. Не сказал ничего.

— Корчун держал вас порознь — знал, что вместе вы опаснее. Но завтра он хочет зрелища. Приведёт Яромира сюда, выставит тебя — в цепях, живого. А потом убьёт его у тебя на глазах.

Тор медленно откинулся назад. Смотрел на огонь в очаге. Там, в углях, что-то тихо потрескивало.

— Зачем? — спросил он. — Сломить меня? Тогда зачем убивать сейчас, если я ему нужен?

— Нужен — пока сломленным. Потом придумает что-нибудь ещё.

— Пока, — сказал он.

— Пока, — согласилась Яра.

Она взяла черпак. Снова поднесла к его губам — уже просто, без того, что было раньше. Он пил, не отводя от неё взгляда.

— Когда Яромира введут, — продолжила она, — Корчун выведет тебя. Покажет. Потом велит увести обратно. Это будет твой единственный момент, когда стражей у тебя за спи-

ной станет меньше.

— Меньше — не значит мало.

— О тебе говорят от Студёного моря до южных перевалов.

— Она поставила черпак на поднос. — Думаю, одна дверь тебя не остановит. А за ней будет Яромир.

Тор долго молчал. Смотрел на неё — жёстко, с той изучающей тяжестью, от которой другие отводили взгляд.

Яра не отвела.

— Ты рискуешь головой, — сказал он наконец. — Ради чужих людей. Это или храбрость, или глупость. Или у тебя есть своя причина, которую ты мне не называешь.

Она чуть помолчала. Что-то во взгляде сдвинулось — едва заметно, как трещина в льду.

— Есть, — сказала Яра. — Но не сейчас.

Он кивнул. Один раз. Принял это.

— Как мне понять, когда наступит этот момент?

— Я буду рядом. Когда нужно — ты это почувствуешь.

— По твоему холодному взгляду?

В углу её рта что-то дрогнуло. Не улыбка — почти.

— По тому, что стражи снова захотят спать.

Тор посмотрел на охрану. Один из стражей во сне сполз ниже, чуть не выронил копьё. Под лавкой у него валялась кружка — перевёрнутая, сухая.

— Мёртвый корень, — сказал он. — Откуда он у тебя?

— Я сама его собираю.

— В лесу?

— Он растёт на болоте. В двух верстах отсюда. — Она убрала поднос чуть в сторону, освободила руки. — Корчун не знает, что я хожу туда. Думает, я тихая.

— А ты не тихая.

— Нет.

Тор снова замолчал. Потом медленно сжал и разжал пальцы. Кожа на запястьях горела там, где была пенька.

— Ладно, — сказал он. — Буду ждать.

— И ещё одно. — Яра наклонилась, голос упал совсем низко. — Когда всё начнётся — не пытайся меня защищать. Делай своё. Я сделаю своё. Если начнёшь думать обо мне в середине — погубишь нас троих.

Он смотрел на неё секунду — дольше, чем требовалось.

— Это ты себе говоришь или мне?

Яра не ответила. Встала, подобрала поднос, расправила волчью шкуру на плечах.

— Спи, — сказала она ровно. — До утра пути будут целыми целыми.

Она на миг задержала пальцы на его плече — коротко, почти незаметно, но прикосновение сделало воздух между ними ещё плотнее.

Тор почувствовал, как что-то невидимое, холодное и скользкое обвил его запястья. Он опустил взгляд и увидел, что веревки, которые только что рассыпались прахом, снова материализовались на его руках. Толстые, промасленные, с тугими узлами — они снова сковывали его, словно и не было

освобождения. Но теперь он знал — они были лишь иллюзией, хрупкой, как сон, и рухнут по первому её слову.

— Не трогай их. Не показывай, что ты свободен.

Она пошла к двери. У самого порога остановилась — спиной к нему, не оборачиваясь.

— Тор.

— Что?

— Не умирай раньше времени. — Голос — тихий, почти скучный. — Ты мне нужен живым.

Она вышла. Дверь закрылась без скрипа.

Тор сидел неподвижно. Смотрел на огонь. Очаг потрескивал, стражи спали, за стеной выл ветер — долго, тоскливо.

Он думал о Яромире. Не словами — просто держал его в голове, как держат что-то тяжёлое, чтобы не уронить. Потом выдохнул — медленно, через нос — и почувствовал, как плечи чуть опустились сами.

Он лёг на солому, сложил руки так, чтобы путы казались целыми. Закрыв глаза.

Во рту ещё стоял запах дыма и трав.

Глава 2

Княжий чертог гудел, как потревоженный улей.

Под низкими балками стоял тяжёлый запах дыма, хмеля, жареного мяса и людского пота. На длинных столах чадили глиняные светильники, по лавкам были разбросаны шкуры, кости и пустые рога. Воины пили шумно, грубо, хлопали друг друга по плечам и хохотали так, будто сама смерть сегодня отступила от их порога.

Но смеялись не все.

На возвышении, у резного стола, сидел Корчун.

Он держал кубок в широкой ладони и смотрел в зал так, как смотрят не на людей, а на добычу. Тяжёлое лицо, ранние морщины, взгляд — всегда чуть глубже, чем нужно, как у человека, который привык считать чужие слабости раньше, чем те успевают открыться. Он улыбался редко. Но сегодня улыбался.

Потому что в его руках был Тор.

Воин, чьё имя произносили шёпотом от побережий до лесных становищ. Его боялись враги. Его уважали те, кто не склонял головы ни перед кем. Любой вождь, знающий цену силе, отдал бы многое, чтобы иметь такого в дружине.

Корчун медленно повёл кубок к губам.

Если завтра кровь прольётся как надо, если жертвенный круг замкнётся правильно — путь на земли Святобора от-

кроется сам.

Лишившись Тора, Святобор потеряет то, вокруг чего держались его люди, — главную свою силу и опору.

И тогда леса, переправы, посадки и реки станут лёгкой добычей.

Сегодня сам Велес, должно быть, усмехнулся из своей тёмной глубины.

— Пейте, — бросил Корчун, глядя на воинов. — Завтра будет славный день.

Гул одобрения прокатился по чертогу. Рога поднялись, кулаки заколотили по столу, чьё-то горло выкрикнуло его имя — и оно отозвалось под балками многократно. Воины ревели, радуясь не только питью, но и близкой крови. Для них завтрашнее жертвоприношение уже стало праздником.

Корчун их больше не слушал.

Когда-то он был никем.

Не первым в роду, не любимым сыном, не тем, кого звали к совету раньше других. Младший. Узкоплечий. С завистливой душой, которую он научился прятать рано.

Его двоюродный брат Бранибор был другим. На совете он говорил — и люди замолкали сами, не потому что боялись, а потому что хотели слушать. Корчун сидел рядом и наблюдал, как это работает, и чувствовал в груди что-то тёмное и голодное, чему не было имени.

С годами голод этот только набирал плотность. Не обида,

не зависть — именно голод. По власти. По силе. По тому месту, которое, казалось ему, было его от рождения, а досталось другому.

Случай представился на охоте.

День был туманный, сырой, пахнущий мокрой хвоей и прелой землёй. Они поднялись на каменистый кряж за зверем, и Бранибор шёл впереди — смеясь чему-то своему, с лёгкостью человека, который не боится ни зверя, ни людей. Корчун шёл следом. Молча. Терпеливо.

Когда они вышли к обрыву, он даже не сразу понял, что решился.

Один толчок. Короткий, точный, почти будничный.

Бранибор не вскрикнул. Тёмная фигура сорвалась вниз, в камни и туман, и лес на миг ответил глухим эхом. Корчун стоял над краем и смотрел вниз. Не чувствовал ни ужаса, ни раскаяния — только холодное, ровное облегчение. Как будто снял с плеч что-то, что давило слишком долго.

Он вернулся в становище с лицом, которое умело лгать.

Сказал: оступился. Скользкий камень, туман, плохая тропа. Народ поверил не сразу — но смерть Бранибора открыла то, чего Корчун ждал годами. Наследников у брата не осталось. Только дочь — девочка по имени Яра, ещё слишком малая, чтобы кто-то всерьёз думал о ней.

И Корчун взял власть. Сначала по праву крови. Потом по праву страха.

Народу он объявил, что удочерит девочку — как подоба-

ет родственнику и новому опекуну рода. Люди, уставшие от смуты, приняли молча. Кто-то даже счёл его поступок благородным.

Благородства в нём не было ни капли.

Он хотел Яру не как дочь и не как наследницу. Как заложницу. Как живой знак того, что род Бранибора теперь принадлежит ему. Когда же мать девочки отказалась склонить голову и стать ему женой, Корчун не стал ждать.

Той же зимой её не стало. Тихо, без крика, без следа. Никто не спрашивал отчего — в его доме давно научились не задавать лишних вопросов. Только девочка потом несколько дней сидела у порога и смотрела на дорогу. Корчун видел это и не чувствовал ничего, кроме лёгкого раздражения.

Девочка росла под его крышей. Под его взглядом. Под его рукой.

И чем старше она становилась, тем яснее он видел: в ней живёт нечто большее, чем просто кровь убитого брата. Древняя сила — неукротённая, ведьмина. Та самая, которую он хотел вырвать и подчинить себе.

Яра должна была стать его ключом к северным землям.

А если не она — то её сила. Её кровь. Её дар.

Корчун опустил кубок на стол.

Завтра всё начнётся. Тор увидит, как гибнет его побратим. А потом согнётся сам — постепенно, как гнётся дерево под непрерывным весом: не вдруг, но насквозь.

В чертоге не утихал рёв. Дрова в очаге потрескивали. За

стенами ворчал ветер.

Корчун поднял голову и посмотрел в тёмный брусчатый свод, будто там, за дымом и копотью, мог видеть небо.

— Велес, — тихо произнёс он, и в голосе его не было молитвы, только жадное обещание. — Я не подведу тебя.

Он улыбнулся — медленно, холодно, почти ласково. Поставил кубок на стол и встал.

Пир за его спиной продолжал греметь. Он больше на него не смотрел.

Ночной воздух в переходе между чертогом и палатами был холодным, сырым, пах мокрым деревом и золой. Факел на стене коптил, бросал рваные тени на бревенчатые стены. Корчун шёл не торопясь — размеренно, тяжело, как человек, которому некуда спешить, потому что всё уже решено.

Он думал о завтрашнем дне.

О том, как Тор будет стоять в цепях и смотреть, как умирает его побратим. О том, как сломается это лицо — не сразу, не криком, а медленно, изнутри, как ломается лёд под долгим давлением. Корчун умел ждать такого момента. Умел его видеть.

У входа в палаты стояли двое. Он прошёл мимо, не взглянув.

Внутри было полутемно. Пахло дымом, звериными шкурами, кислым вином.

Яра сидела у низкого стола — прямая и неподвижная, как лезвие, забытое на краю огня. Лицо спокойное, глаза тёмные,

губы сжаты в тонкую линию. Только когда он вошёл, в них мелькнуло что-то острое, почти хищное — и тут же спряталось.

Корчун остановился у порога и осмотрел её без спешки.
— Завтра я закончу с Тором, — сказал он. — Народ увидит, что даже самый сильный падает, если поставить его на колени перед всем племенем. После этого никто не усомнится.

Яра не отвела взгляда.

— Ты слишком любишь слушать собственный голос.

Корчун усмехнулся, будто это его позабавило. Сделал шаг ближе.

— Ты слишком долго живёшь под моей крышей, чтобы не понять простое: теперь не время для упрямства. Теперь время для пользы. — В голосе появилась тяжёлая, почти угрожающая жёсткость. — Я жду от тебя не молчания и не капризов. Я жду, что ты будешь мне помогать. Не как пленница. Как та, кто понимает, что сила должна служить власти.

— Ты называешь это партнёрством?

— Я называю это умом. — Он остановился в двух шагах.
— Когда придёт время брать чужие земли — твоя сила понадобится. Ломать тех, кто думает, будто может сопротивляться.

— Ты хочешь сделать меня оружием.

— Я хочу сделать тебя полезной. Это одно и то же.

Яра чуть обнажила зубы.

— Нет. Оружие держат в руках. С людьми так не бывает.

— Бывает, — ответил он ровно. — Если люди понимают, что случается с теми, кто мне перечит.

Пауза. Слова легли тяжело.

— Твоя мать тоже не поняла. Отказалась склонить голову. Отказалась быть моей женщиной. И я отдал её собакам.

— Он не повысил голоса. — Так я поступаю со всеми, кто думает, будто может сказать мне «нет».

В комнате стало тише.

Что-то в груди у Яры сжалось — коротко, болезненно, как всегда, когда она слышала это. Не горе. Она давно отплакала горе. Просто тело помнило раньше, чем успевал разум. Она не дала этому выйти наружу. Только чуть сильнее надавила пальцами на край стола.

— Ты не гордишься этим, — сказала она.

— Нет. Я просто помню, что работает.

Он наклонил голову, рассматривая её как редкую и опасную добычу.

— С тобой я сделал бы то же самое. Если бы не твоя сила. Она мне нужна. Живая. Пока — живая.

Яра откинулась чуть назад и посмотрела на него так, словно уже видела конец его власти.

— Значит, нужна не я, а то, что ты хочешь из меня выжать.

— Называй как хочешь. Главное — завтра ты стоишь рядом со мной. После смерти Яромира люди должны увидеть не только мою силу, но и твоё согласие.

— Его не будет.

— Будет, — сказал он спокойно. — Все рано или поздно учатся выбирать сторону, на которой выживают.

Яра медленно поднялась.

— Ты ошибаешься, Корчун. Я уже выбрала.

Он смотрел на неё с ленивым превосходством человека, уверенного в своей воле. Но Яра видела другое: под этой уверенностью жила привычка ломать, присваивать, вырывать из чужих рук всё, что казалось ценным. Именно поэтому он не замечал главного — она слушала его не как дочь, не как пленница. Она слушала, как хищник, вычисляющий расстояние до горла.

— Завтра ты поймёшь, на чьей стороне сила, — бросил он и повернулся к выходу.

— Мир не склоняется перед силой, Корчун. Он только ждёт, пока ты оступишься.

Уголок его рта дёрнулся.

— Осторожнее, девочка. Твоя мать тоже любила говорить со мной, как будто стояла надо мной.

— Для неё плохо кончилось, — согласилась Яра. — Для тебя — ещё нет.

Короткое, плотное молчание. За стенами гудел пьяный чертог. Здесь стояли только двое: вождь, поверивший в собственное бессмертие, и девушка, слишком хорошо знавшая цену этой веры.

— Посмотрим, — бросил Корчун и пошёл к выходу.

Он ушёл, оставив за собой запах дыма, вина и звериной уверенности.

Яра не сразу пошевелилась.

Только когда шаги стихли за пологом, она выдохнула — медленно, почти беззвучно. Разжала пальцы. Посмотрела на ладони.

Однажды, когда ей было двенадцать, сила вырвалась сама — без её воли, без предупреждения. Корчун тогда ударил её за что-то мелкое, уже забытое. И фиолетовый огонь плеснул из рук прямо ему в грудь, швырнул его к стене. Он не упал — но отступил. Впервые в жизни отступил перед ней. И посмотрел так, что она поняла: он не испугался. Он захотел.

С тех пор она держала силу в кулаке. Не давала ей дышать без разрешения.

Яра подняла ладони перед собой.

На коже дрожало слабое фиолетовое свечение — неяркое, почти призрачное, но живое. Мягко переливалось, тонкими искрами цепляясь за пальцы.

Она медленно сжала руки.

Огонь спрятался глубже. Но не исчез.

Завтра она сделает всё, что в её силах.

Спасёт Тора. Спасёт Яромира. Спасёт себя.

А если Корчун окажется быстрее — она выжжет этот чертог дотла. Вместе с ним внутри

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.